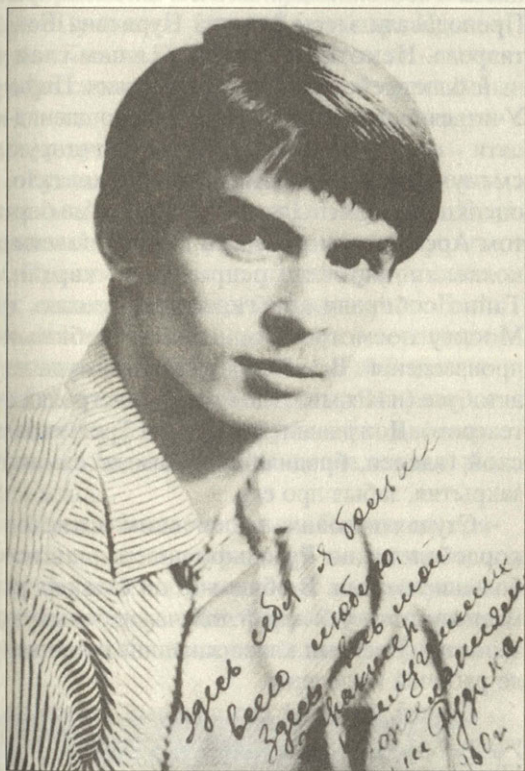

Журавлиная песнь Рудольфа Нуреева

Нина Жиленко

“Я хотел бы, чтобы мой танец производил такое же впечатление, как и картина великого художника. Пусть мной восхищаются, пусть меня ненавидят, но пусть никто не останется равнодушным”.

Рудольф Нуреев

Все необычно в его жизни. Уже само появление на свет. Он родился 17 марта 1938 года в поезде, мчавшемся вдоль берегов Байкала, недалеко от Иркутска. Мать, Фарида-апа, с тремя дочерьми – Розой, Лилией и Розидой – ехала на Дальний Восток к месту военной службы отца.

Перед войной все жили в Москве, а когда отец ушел на фронт, семья эвакуировалась в Башкирию, небольшую зауральскую деревушку. В 1942 году переехали в Уфу.

Самое яркое воспоминание раннего детства – голод, единственным лакомством была картошка. Мать – в постоянных поисках пищи. Однажды, вспоминает Рудольф в “Автобиографии”, изданной в Лондоне в 1967 году, она с этой целью решила навестить дальних родственников, живших в тридцати километрах от Уфы. Была середина зимы. Мать вышла на рассвете и к ночи достигла небольшого леса перед той самой деревней. Чувствовала себя совершенно измученной. Вдруг увидела вокруг себя маленькие желтые огоньки. Сначала не обратила на них внимания. Но желтовато-голубые огоньки приближались. Казалось, что они двигаются парами на некотором расстоянии от земли. И вдруг она поняла, что это волки. Мать сняла с себя шерстяное одеяло, в которое была укутана для защиты от жестокого мороза, и подожгла его. При виде пламени волки поджали хвосты и исчезли.

“В некотором роде, – пишет Рудольф, – эта история характерна для нашей семьи, В конце концов может быть даже смерть, и знаешь это, однако продолжаешь идти, находишь новые решения там, где другие положились бы на провидение. Я не могу не гордиться этой чертой в нашей семье”.

Так он всегда и шел вперед, к цели.

А цель его определилась очень рано. В шесть лет он впервые встретился с настоящим балетом в Башкирском театре. Шел спектакль “Журавлиная песнь”, где танцевала Зайтуна Насретдинова, которую и в зрелом возрасте Нуреев считал замечательной балериной. В тот вечер, наблюдая за танцовщиками, восхищаясь их способностью преодолевать законы земного притяжения, он почувствовал свое призвание, им овладела абсолютная убежденность, что он рожден для танца.

В 1948 году старшая сестра Рудольфа Роза привела его в Дом учителя к Анне

Ивановне Удальцовой, у которой и сама занималась. Профессиональная балерина Удальцова еще до революции в составе знаменитой труппы Дягилева разъезжала по всему миру, выступала с Павловой, Карсавиной, дружила с Шаляпиным. Интеллигентная, образованная женщина, она свободно владела тремя языками. Своих учеников обучала не только танцу, но приобщала к музыке, литературе. Кроме того, она была душевным человеком, и доброта ее преображала всех, кто с ней общался.

Анна Ивановна скоро распознала уникальные способности, страсть маленького мальчика к танцу и много занималась с ним. “Это будущий гений!” – говорила она.

Тогда все жили трудно. Ели в основном картошку и хлеб, поэтому дети приходили в танцевальный кружок с вздутыми животами, вызывая недовольство наставников. Семья Нуреевых ютилась в комнате площадью четырнадцать квадратных метров в деревянном домишке на улице Зенцова. Стол, две кровати, на которых спали “валетом”, – вот и вся обстановка. Но нитье и уныние не были в семейной традиции. Взрослые работали, дети помогали – у каждого были свои обязанности.

Несмотря ни на что, город был театральным. Своя опера, свой балет. Театр не просто центр культуры, это было место встреч, общения, радости. В семьях копили деньги на билеты, собирались на спектакль как на праздник, одевались “по-театральному”.

Для детей таким центром притяжения был Дом пионеров. Масса кружков, прекрасные педагоги, доброжелательная, творческая атмосфера. Танцевальный кружок, где после Дома учителя занимался и Рудик Нуреев, вели Елена Константиновна Войтович и концертмейстер Ирина Александровна Воронина – настоящие специалисты своего дела и замечательные люди. Они много сделали для развития балетных и музыкальных способностей Рудольфа, для более полного раскрытия его индивидуальности. Их ученики разъезжали с концертами, и впервые Рудик познал счастье выступления перед публикой, радость признания. Формировался тот его внутренний мир, который он пронес через всю жизнь, который оберегал и куда редко кого впускал. Не случайно в свой приезд в Ленинград в 1989 году

он скажет перед телекамерой: “Сцена, занавес, все, что за ним происходит, – это моя страна, моя национальность, мое место жительства”.

В 1953 году при башкирском театре открылась балетная студия. Рудольфа туда пригласили – профессионалы уже были слышаны о необыкновенном мальчике-танцоре. Преподавала здесь Зайтуна Нуриевна Бахтиярова. Некоторые уроки вел сам главный балетмейстер Виктор Гансович Пяри. Учиться было нелегко. С восьмью до двенадцати – в студии, оттуда – в школу, во вторую смену. Времени делать уроки не хватало, оценки снизились. Вместе с другом Альбертом Арслановым рисовали для стенгазеты, коллекционировали репродукции картин. Тайно собирали деньги, чтобы поехать в Москву посмотреть оригиналы любимых произведений. В 1954 году съездили туда на автобусе (из Рязани, где были на гастролях с театром). Дождавшись открытия Третьяковской галереи, бродили по залам до самого закрытия, забыв про еду.

Студия готовила в основном артистов кордебалета, но Рудольфу доверялись небольшие партии. В общем-то он был оформлен как артист балета и получал небольшую зарплату. Десятый класс заканчивал в школе рабочей молодежи.

Самый большой его сольный номер на уфимской сцене – танец джигита с шестом в “Журавлиной песни”, балете, когда-то покоришем его детское сердце. Именно в этом танце на него обратили внимание специалисты во время декады башкирского искусства в Москве в 1955 году. Мечта учиться в самой знаменитой балетной школе – Ленинградском хореографическом училище имени А.Я.Вагановой – становилась явью.

Зайтуна Насретдинова ходила в Министерство культуры, хлопотала, чтобы Нуреева направили на учебу от республики, то есть чтобы Башкирия взяла на себя финансовые расходы (питание, проживание в интернате). И она добилась этого. Продолжила традицию, которая началась с нее самой: в 1934 году Зайтуна Агзамовна первой поехала от Башкирии в Ленинградское училище. Потом были Майя Тагирова, Фирдаус Нафикова, Эмма Темиргазина, Леонора Куватова и другие башкирские балетные примадонны и премьеры.

Нуреева приняли сразу в старший класс. Судьба уготовила ему встречу с талантливым педагогом, тонким, добрейшей души человеком – Александром Ивановичем Пушкиным. Он был способен постичь характер каждого ученика, придумать для каждого индивидуальную комбинацию, пробудить интерес и рвение к работе. Рудик стал своим в семье Пушкиных (жена Александра Ивановича – Ксения Иосифовна Юргенсон – тоже профессиональная балерина), его принимали как сына, кормили, поддерживали в трудные минуты.

Рудольфу за два-три года нужно было постичь многое. Он понимал это и учился. Его основной дар был в том, что он умел учиться. Причем учиться не стихийно, а размышляя, вникая, впитывая буквально все. Были сложности из-за его характера – неровного, вспыльчивого, с быстрой сменой настроений. Но колоссальное до самозабвения, до фанатизма нуреевское трудолюбие и великое терпение Александра Ивановича каждый раз побеждали.

Простой мальчишка из Башкирии приехал в город, наполненный искусством, и был ненасытен. Он ничего не пропускал, впитывал саму атмосферу города, культуру, музыку. Филармония была его любимым

местом, там его встречали как своего и пропускали на любые концерты.

После окончания училища Рудольфа приняли в труппу Кировского театра. Он не танцевал маленькие партии, не танцевал в кордебалете, хотя в театре было принято, что первый год все должны танцевать там. Но он сразу стал солистом.

Его партнершами были знаменитая Дудинская, Шелест, Кургапкина, Колпакова. С Аллой Сизовой они стали лауреатами Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Вене в 1959 году – завоевали первую премию и золотую медаль.

На одном из спектаклей побывали его родители. По радио объявили, что они присутствуют в зале, и им устроили настоящую овацию. Рудольф был заботливым, благодарным сыном. Присылал деньги, из зарубежных поездок привозил подарки всем членам семьи.

Но не все шло гладко. Слишком он был непохожим на других, слишком независимым и самостоятельным, многое делал по своему, непривычно для окружающих. Еще во время учебы, а потом в театре ему постоянно приходилось отстаивать свои взгляды, свой стиль поведения, образ жизни. Его яркая индивидуальность никак не вписывалась в привычный и всеохватывающий советский коллективизм. Это и стало причиной глубокого конфликта.

Все обострилось во время гастролей Кировского театра в Париже летом 1961 года.

Двадцатитрехлетний Рудольф Нуреев танцевал прекрасно, он стал фантастическим открытием в мире балета, был звездой на всех спектаклях. Но он не выполнял требований руководства. Нельзя было ходить по Парижу одному, ведь еще в Союзе труппу разбили на “тройки”, “десятки”. А Рудольф часами пропал в Лувре. У него появилось много друзей среди французов, его всюду приглашали. Он даже улетал на юг Франции, а потом прилетал на спектакль. Атмосфера вокруг него накалялась.

“Я чувствовал возрастающую угрозу, – пишет Нуреев в “Автобиографии”. – Я был подобен птице, попавшей в сеть и все больше в ней запутывающейся. Я знал: это был кризис. Но птица должна летать. Я не видел ничего политического в необходимости для молодого артиста видеть мир, чтобы,

сравнивая и усваивая, обогатить свое искусство новыми знаниями для пользы своей страны. Но меня осудили. Мою жизненную программу назвали безответственной, а сопротивление уравнению и неподчинение – опасным индивидуализмом”.

16 июня труппа должна была лететь в Лондон, чтобы продолжить гастролы. Все прибыли в аэропорт Бурже, скоро посадка в самолет. И вдруг Рудольфу говорят: “Ты сейчас с нами не полетишь, ты догонишь нас через пару дней в Лондоне. Ты должен танцевать завтра в Кремле. Мы только что получили телеграмму из Москвы. Через полчаса твой самолет”.

У него чуть не остановилось сердце. Он понял, что означает этот вызов в Москву. Никогда больше не ездить за границу. С местом солиста Кировского театра придется распрощаться. Он был обречен на полную безызвестность, и для него это было равносильно самоубийству. Очевидцы рассказывают, Рудольф был буквально убит.

Все улетели в Лондон, а он остался. В зале были “штатские в сером” и следили за каждым движением Рудольфа. Были рядом и его французские друзья, они уже знали обо всем, переживали, мучительно думая, как помочь ему, и ожидая его решения.

И тут он совершил свой знаменитый прыжок – самый длинный, самый волнующий за всю его карьеру – и приземлился прямо чуть ли не в объятия французского полицейского. “Я хочу остаться, – задыхаясь произнес он. – Я хочу быть свободным!”

Весь мир назвал это прыжком в свободу, а наше правительство – изменой Родине. 2 апреля 1962 года решением Ленинградского городского суда Рудольф Нуреев приговорен заочно за измену Родине к семи годам лишения свободы. Еще и после смерти Нуреева приговор оставался в силе.

Первым ангажементом Нуреева на Западе была партия в балете “Спящая красавица”, поставленном труппой “Де Куэвас балет”. Из-за осложнения дипломатических отношений Франции и Советского Союза, вызванного предоставлением политического убежища танцовщику, Нуреев вынужден был покинуть Францию. В Копенгагене он познакомился с известным танцовщиком Эриком Бруном. Они стали близкими друзьями. Вместе создали не-

большую компанию, которая давала программы дивертисментов.

Американцы впервые увидели Нуреева по телевидению 19 января 1962 года. Чуть позже состоялся его дебют на нью-йоркской сцене: в Бруклинской музыкальной академии он танцевал па-де-де из “Дон Кихота”.

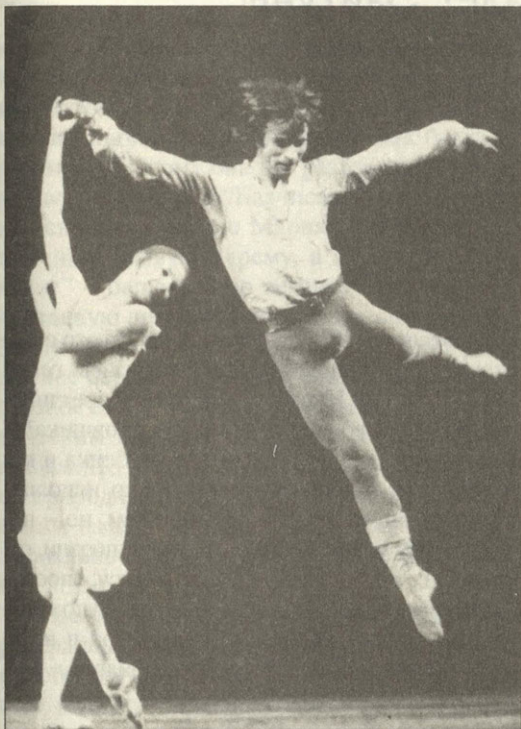
В Англии Нуреев дебютировал 2 ноября 1961 года в благотворительном концерте, а в феврале 1962-го выступил в лондонском Королевском балете “Ковент-Гарден” в спектакле “Жизель”. Его партнершей была Марго Фонтейн.

Они танцевали вместе десять лет. Их считали не просто идеальной балетной парой, а самым знаменитым дуэтом в истории балета. Фонтейн была немного старше, к моменту встречи с Рудольфом ее исполнительская карьера клонилась к закату. С новым партнером она обрела второе дыхание. Это был вдохновенный союз самой сдержанной балерины мира и самого вспыльчивого танцора.

“Когда придет мое время, ты столкнешь меня со сцены?” – спросила она однажды. “Никогда!” – ответил он. В 1971 году великая балерина (ее настоящее имя – Пегги Хукхэм) покинула сцену. Через двадцать лет она умерла от рака. Нуреев постоянно переговаривался с ней по телефону, а за месяц до смерти навещил в Панаме.

С 1983 года в течение шести лет он был главным хореографом (директором балета) в “Гранд-опера”. Поставил ряд классических и современных балетов, зажег целое созвездие талантливых танцовщиков. А в последние годы стал брать уроки дирижерского искусства, и вскоре оркестр под его управлением начал гастролировать по различным странам мира. Будучи уже больным, в мае 1992 года он дирижировал в Казани балетом “Щелкунчик”. Он был так близко от Уфы...

Один из великих и трагических дней в его жизни – 8 октября 1992 года. День премьеры его “Баядерки” в “Гранд-опера”. Именно в этом балете он станцевал одну из первых ведущих партий в Кировском театре. В этой партии он покориł Париж летом 1961-го. А через несколько лет, поставив третий акт “Баядерки” в “Ковент-Гардене”, дебютировал как хореограф.

Репетиционный период – три недели. Все это время Нуреев наблюдал за сценическими репетициями из шезлонга, обложенный подушками. За два дня до премьеры генеральные репетиции продолжались далеко за полночь. Ко времени, когда в Пале Гарнье поднялся занавес, Нуреев был измучен до предела.

Последняя постановка была признана триумфом. Уже обессиленный болезнью Рудольф нашел в себе мужество подняться на сцену. Его поддерживали с двух сторон танцовщики. Зал стоя аплодировал, а министр культуры Жак Ланг вручил ему регалии Коандора искусства и литературы.

После того как Рудольф Нуреев остался за границей, в родном городе он побывал единственный раз – в ноябре 1987 года. Ему дали визу на считанные часы, чтобы проститься с больной матерью.

Это был пасмурный, безрадостный день – и по погоде, и по настроению. В поездке по городу Рудольфа сопровождали сестра Розид, внучатый племянник Руслан и фотокорреспондент ТАСС В.Вонг.

В театре был выходной день, и его неохотно пропустили туда. Он хотел встретиться с Зайтуной Насретдиновой, но ее телефон не ответил. В филармонию прошли тоже с трудом, а в хореографическое училище не удалось проникнуть. В Художественном музее имени Нестерова хотел сфотографироваться на фоне понравившейся картины – смотрительница зала устроила скандал. Рудольфа, избалованного вниманием и признанием во всех странах мира, обдало холодом забвения.

Он не мог не обидеться. Может быть, поэтому, приехав через два года в Ленинград, он высказывался и вел себя довольно высокомерно. Он тогда сильно устал от длительных турне, и спектакль прошел неудачно. Но встретили его восторженно. Мариинка была переполнена. Аплодировали не этому выступлению, а вообще его таланту, как бы отдавали долг за все неувиденное и неузнанное. Если бы так в родной Уфе!

... Машина медленно двигалась по улице Зенцова, где когда-то жила семья Нуреевых (дом не сохранился – снесли, а на этом месте построили гаражи). Вдруг Рудольф попросил водителя:

– Останови возле этого дерева!

Вышел из машины и с интересом и удивлением стал рассматривать ярко-красные припорошенные снегом гроздья рябины.

– Что это? Как называется дерево?

– Рудик, – растерянно проговорила Розид, – разве ты не знаешь? Это рябина.

Как же он мог забыть рябину... Вынужденный оставить родину, он старался выбросить из памяти все, что с ней связано. А когда увидел на родной улице рябиновый кустер, сердце дрогнуло. Не зря же в зарубежных публикациях говорилось, что Нуреев нередко «с печальным и детским лицом» вспоминает мать и далекую Уфу.

А в самом последнем своем интервью – журналу «Пари матч» – он сказал:

– Я никогда не переставал считать Россию своей родиной...

6 января 1993 года в Париже перестало биться сердце великого танцовщика Рудольфа Нуреева.